

Прошло около ста лет, и когда влияние Заклинателей в Федерации, очевидно, сильно ослабло, Цзян Яоцин проснулась.

Так что в каком-то смысле ей самой на самом деле уже исполнилось сто семнадцать лет.

Проснувшись в криокапсуле, она сразу же сдала вступительный экзамен на распределение по классам и вполне закономерно угодила в самый худший из них — 5-й класс новичков «Кошмар».

Вступительный экзамен оказался непростым и состоял из двух этапов: первый проверял теоретические знания о Межзвездная трансляция, а второй представлял собой базовые Древние боевые искусства.

По теории она заняла первое место в рейтинге.

Но вот за экзамен по боевым искусствам получила худший балл во всей школе.

Её нервы, отвечающие за боль, оказались слишком чувствительными, что совершенно не подходило для драки. Если бы она упрямо полезла в бой, результат был бы только один: враг не двигается — и я не двигаюсь, враг хоть чуть шевельнулся — я тут же начинаю горько плакать на опережение.

Вылетев на первом же этапе и получив за общие способности оценку «плохо», Цзян Яоцин с трудом смогла удержаться в хвосте Университет прямых трансляций «Кошмар».

Вскоре после поступления Цзян Яоцин попыталась разговорить одного из сокурсников, и тот даже поведал ей историю о былом величии Заклинателей.

Более того, до неё доходили слухи, будто среди их потока нашёлся кто-то, кто выдаёт себя за единственного потомка Заклинателей.

Оставалось лишь вздохнуть: как же изменчив мир. Придя в себя, Цзян Яоцин обвёл взглядом окружающих с несколько странными выражениями лиц, отряхнул руки, оттолкнул стоявшего перед ним мальчика с ошеломлённым видом и уверенно направился к юноше.

Столкнувшись с чуть хвастливым взглядом Цзян Яоцина, юноша отвёл глаза и, молча ковыряясь с фонарём на земле, не проронил ни слова.

— Ну как?

Цзян Яоцин прислонился к покрытой позолотой колонне рядом с юношей, уголки его губ изогнулись, а в глазах играла улыбка — по его лицу было совершенно невозможно догадаться,

о чём он только что думал.

— Очень быстро.

Движения юноши, возившегося с фонарём, на мгновение замерли, и он ответил.

Цзян Яоцин с живым интересом посмотрел на толпу, у которой начали проявляться первые симптомы, и с любопытством спросил стоявшего рядом юношу:

— Разве тебе не интересно, что с ними случилось?

— Я видел, как ты рассыпал белый порошок.

Юноша повернул к Цзян Яоцину своё замотанное в бинты лицо, а Цзян Яоцин едва заметно удивился столь острой реакции юноши.

Какая мощная проникаемость.

— Этот белый порошок должен вызывать сильнейший зуд, на теле появляются красные пятна, начинается зуд и симптомы лёгкой боли.

— Откуда ты знаешь? Юноша стоял очень близко, и Цзян Яоцин казалось, что температура вокруг заметно упала. Ее ресницы слегка затрепетали, и она инстинктивно попыталась отступить назад, но тут же поняла, что отступить некуда.

Взгляд юноши, холодный и отчужденный, напоминал осмотр какого-то товара.

Не успела Цзян Яоцин сделать движение, как услышала следующие слова юноши:

— Моя семья из поколения в поколение занимается медициной, я многое в этом понимаю.

Из поколения в поколение занимается медициной?

Цзян Яоцин моргнула и бросила на юношу быстрый взгляд.

Хотя все, кто появлялся перед ней, были NPC, Цзян Яоцин никогда не воспринимала их как заранее запрограммированный код.

Стоило ей войти сюда, как это место становилось совершенно реальным.

— Поведай мне свою историю.

с легкой насмешкой произнесла Цзян Яоцин.

Юноша на мгновение растерялся.

Цзян Яоцин улыбнулась ему:

— Шучу.

— Когда уже можно будет поесть?

помня о своем втором задании, Цзян Яоцин обернулась и спросила юношу.

— Прямо сейчас.

— Но...

— Но что?

— Тебе нужно отличить то, что можно есть, от того, что есть нельзя.

— За употребление местной еды тебе придется заплатить соразмерную цену.

Юноша посмотрел на разнообразные кушанья, выставленные в центре зала, и в его глазах мелькнуло отвращение.

— Я советую тебе не есть никакое мясо.

Цзян Яоцин подняла взгляд, встретившись с бесстрастными зрачками юноши, и перевела взор на обеденный стол.

Перед глазами пестрело изобилие самой разной аппетитной мясной пищи, от которой исходил умопомрачительный аромат.

Тушеные свиные копытца, крылышки в кока-коле, крупные свиные ребрышки, шашлычки из баранины, рыба в пергаменте...

Сглотнув слюну, Цзян Яоцин решила довериться юноше и отвела взгляд к одиноко стоявшему в

стороне блюду с овощами.

— Ну, тогда съесть немного салата, наверное, будет безопасно?

— Если ты не возражаешь против паразитов, которые забредут тебе в мозг, можешь попробовать.

Цзян Яоцин: ...

— Тогда от картошки-то точно вреда не будет?

— Картошку я не пробовал, можешь попытаться удачу.

— А что обычно ешь ты?

с любопытством спросила Цзян Яоцин.

— Я обычно не ем.

Закончив говорить, юноша похлопал Цзян Яоцин по плечу:

— Шучу. Обычно я ем на кухне.

Цзян Яоцин нахмурилась. Ее задание заключалось в том, чтобы поужинать именно в обеденном зале, а не на кухне.

Хотя и там и там едят, в прямой трансляции случиться могло абсолютно что угодно. Сам он сейчас был слаб, как цыплёнок, и нельзя было допустить ни единой ошибки.

В голове лихорадочно крутились мысли в поисках плана, как вдруг та самая толпа снова приняла орать:

— Ты!

— Что ты с нами сделал?!

Зуд от порошка, который рассыпала Цзян Яоцин, начал действовать, и дети, толкаясь, подбежали к ним вплотную.

— Новенькая, поступать так — просто бесстыдно! Подло!

— Как ты посмела использовать яд! Мы же все дети, какая же ты бессердечная!

Цзян Яоцин невинно нахмурилась, её янтарные глаза слегка изогнулись, а уголки губ тронула лёгкая улыбка.

Жалким и довольно жалостливым голосом она произнесла:

— Но я ведь тоже ребёнок. Вы только что напали на меня, применив силу, мне было страшно.

Стоявший рядом юноша наблюдал за тем, как Цзян Яоцин меняет выражения лиц быстрее, чем страницы в книге, и с заметным интересом задержал взгляд на её чуть сузившихся глазах.

— Да ты просто неснешь чушь! То, что мы делали, называлось дружелюбным общением!

Главарь мальчишек скреб себя по рукам, сжिताя зубы от злости.

— Живо давай противоядие, не то тебе сегодня ночью не поздоровится!

— Главарь, сегодня ночью...

— Тот человек может прийти.

Кто-то в толпе толкнул говорившего мальчишку, и его голос прозвучал неуверенно.

Цзян Яоцин не понимала, в чём дело, но по лицам окружающих сразу сообразила: ничего хорошего это не сулит.

— Всё равно, это противоядие ты обязана отдать, иначе останешься без ужина! Жди, пока мама отведёт тебя в тёмную комнату!

— Точно-точно!

— Сегодня тот человек придёт выбирать подходящих детей, а если не дашь противоядие, мы нашьем на тебя проклятие!

Руки главаря мальчишек уже были расцарапаны до крови, состояние его оставляло желать лучшего. Он безостановочно тербил кожу на руках, а в его взгляде на смену злобе пришла мольба.

— Быстро отдай противоядие!

— А что мне за это будет?

Цзян Яоцин никуда не спешила. Похоже, отказ от ужина тоже нарушал здешние правила.

Вот только оставалось неясным, какая связь существует между Мамой и «Ним».

Судя по всему, оба они обладали полномочиями вроде управляющих, да и судя по поведению собравшихся здесь детей, добряками те точно не были.

— Посмотрите на этот безымянный стрим, до сих пор довольно занятно.

- Я зашёл на стрим из-за неземной красоты маленького стримера и смотрю уже битый час. Правила пока вроде не нарушены, но мне всё равно кажется, что с этим приютом что-то не так.
- Кажется, он откололся от мировой линии 006. Кто-нибудь из вас видел мировую линию 006?
- Это же первоначальная мировая линия, кто её вообще мог видеть?
- Скажу вам так: когда сто лет назад я ложился в криокапсулу, мне посчастливилось застать обрывки 006.
- Серьёзно?

Парень, заявивший, что видел её, был одет в синюю куртку. Чуть вытянутые уголки его глаз приподнялись в лёгкой усмешке, во рту торчал чупа-чупс, а сам он небрежно восседал на зрительском месте.

- Он, кажется...
- Первый среди новичков этого года!

Парень прищурился, глядя на Цзян Яоцин на экране, и слегка откинулся назад.

К этому теоретическому первому месту он питал большой интерес.

- Чего ты хочешь?

Главарь мальчишек чувствовал, что если так пойдёт и дальше, он просто умрёт. С возрастающей тревогой он посмотрел на Цзян Яоцин, и в его голосе прозвучало ещё больше мольбы.

- Ну говори же, чего ты хочешь, я всё тебе отдам!
- Сдержишь слово?
- Сдержу, сдержу.

Взволнованно ответил мальчик, а в его глазах мелькнуло выражение борьбы.

- Не верю.
- Разве что, — Цзян Яоцин посмотрела на юношу, наблюдавшего за представлением, и её невинные янтарные глаза встретились с глубокими чёрными зрачками, — ты будешь нашим свидетелем.

Сказав это, она, видимо, сочла свои слова недостаточно убедительными и добавила:

- Здесь я верю только тебе.

Не доверяя никому вокруг, Цзян Яоцин моргнула, глядя на стоявшего позади юношу.

Заметив ожидание в её глазах, юноша с интересом изогнул губы, едва заметно кивнул в знак согласия, а затем перевёл взгляд на главаря мальчишек. Его голос прозвучал холодно и чисто:

— Ланс, ты согласен?

Ланс приоткрыл рот, выглядя порядком растерянным.

Но он не мог вынести поднявшегося за его спиной шума — дети один за другим принимались подначивать:

— Главарь, мы сейчас сойдем с ума от зуба!

— Главарь, умоляем тебя! Сегодняшнюю ночь пережить будет непросто!

— Главарь! Главарь!

...

Ланс прикусил губу, посмотрел на Цзян Яоцин и, приняв вид человека, идущего на смерть, с непоколебимым выражением лица кивнул. Цзян Яоцин приподнял бровь, небрежно бросив взгляд на стоявшего рядом юношу в бинтах, по лицу которого невозможно было прочесть никаких эмоций, а затем обратился к стоявшему перед ним Лансу:

— Хорошо, тогда я спокоен.

— Чего ты вообще хочешь?

Голос Ланса слегка дрожал из-за мучительного зуда.

— Я хочу, — Цзян Яоцин на мгновение задумался, после чего его янтарные глаза изогнулись в полумесяцы, и он произнес легким тоном, словно обсуждая что-то приятное: — Чтобы ты стал моей собакой.

— Защищай меня, и если я получу хоть малейший вред — умри.

— Ну как?

Ланс никак не ожидал, что этот внешне такой доброжелательный парень произнесет столь злобные слова. Его губы задрожали, и он уже хотел было отказаться, как вдруг заметил неестественно побелевшие зрачки юноши в бинтах.

Мышечная память заставила его прямо-таки рухнуть на колени с глухим стуком, и из глаз Ланса брызнули слезы.

— Я согласен, я согласен!

— Только не убивай меня, я согласен!

Цзян Яоцин даже немного удивился: вряд ли у него самого была настолько мощная аура устрашения.

А то, чего испугался Ланс...

Должно быть, дело было в юноше за его спиной.

Ланс покрылся холодным потом.

Прежде он осмеливался язвить лишь за спиной лишь потому, что знал: этот человек не станет трепать ему нервы.

Но этот парень вернулся живым из карцера.

А из карцера еще никто не возвращался нормальным.

— Сделка в силе.

Юноша говорил с довольным видом, переводя взгляд на Цзян Яоцин.

Цзян Яоцин достал противоядие от порошка против зуда и протянул Лансу.

— Нанеси на зудящие места и подожди пять минут.

Ланс торопливо взял средство. Толпа за его спиной попыталась было броситься наперегонки, но под грозным окликом Ланса все затихли, терпя боль.

— С этого момента Цзян Яоцин — наш новый главарь.

— Вы расслышали?

— Слышали!

Голоса людей прозвучали громко, заполнив вестибюль с такой мощью, будто там стояла не пара человек, а целая сотня.

— Правда, у нас к главарю есть одно условие.

— Какое условие?

Цзян Яоцин с любопытством посмотрел на Ланса.

Ланс оглянулся на стоявших позади людей и на секунду ощутил холод в груди, столкнувшись взглядом с теми самыми бледными глазами, но все же набрался храбрости и продолжил:

— После десяти вечера и до трех часов ночи мы отказываемся выполнять любые приказы главаря.

— Хотя мы и натворили немало плохих дел, но все мы рождены отцами и матерями, все мы — живые люди.

Хотя голос становился все тише, Цзян Яоцин прекрасно понял, что именно имеет в виду Ланс.

— Я согласен.

Цзян Яоцин ответил так быстро, что Ланс даже на мгновение остолбенел.

В самом деле, ничего страшного в этом не было.

Раньше от того юноши он уже узнал, что после десяти вечера за пределами Приюта «Рай» можно столкнуться с кое-чем необычным. К тому же он не был каким-то маньяком, чтобы устраивать бойню среди сверстников.

Цзян Яоцин стоял перед Лансом, улыбнулся юноше, чей цвет глаз мгновенно вернулся в норму, и с живым интересом уставился на своих новоприобретенных младших братков.

— Начинайте мазаться от зуда.

Цзян Яоцин взмахнул рукой, отдав свой первый приказ в роли грозного детсадовского вожака.

Наблюдая за суетливыми движениями людей перед собой и видя, что Цзян Яоцин вечно отличается от его собственных ожиданий, юноша тронул уголки губ.

Забавно.

Мучительный зуд наконец утих.

Все вновь ощутили всю прелесть жизни.

Ланс принял перемену в своем статусе на редкость быстро и вовсе вошел в роль услужливой шавки.

— Главарь, какие будут дальнейшие указания?

Однако Цзян Яоцин повернулся к углу и посмотрел на юношу:

— Пойдем вместе поужинаем?

Юноша слегка удивленно приподнял брови, улыбнулся и, глядя в янтарные глаза Цзян Яоцина, ответил:

— Хорошо, я уже так давно не ел в общем зале.

— Нет-нет-нет.

Цзян Яоцин обернулся к толпе своих людей:

— Вы прикроете нас, а я попробуюсь на кухню и стащу еды для всех вас.

Раз эти ребята до сих пор не поели, значит, они точно знали, что с едой здесь что-то не так.

Так оно и оказалось.

Ланс слегка замялся, а затем уточнил у стоявших за его спиной:

— Что сейчас сказал главарь?

— Мне не слышалось?

Никто в толпе ему не ответил. Зато раздались возгласы, один восторженнее другого:

— Мне больше не придется превращаться в личинку?

— Мне больше не нужно бегать в туалет по сорок раз на день!

— Правда? В прошлый раз я превратился в свиную голову и чуть не стал чьим-то обедом!

Натолкнувшись на многозначительный взгляд юноши, Цзян Яоцин с легким чувством вины откашлялся.

Ой, тайные замыслы раскрыты.

Цзян Яоцин прочистил горло и посмотрел на простодушного Ланса:

— Мы сделаем вот что...

Выложив план подчиненным от и до, Ланс и остальные возбужденно закивали:

— Мы клянемся выполнить задание!

Все они были еще детьми и сохраняли ребячливый нрав.

Цзян Яоцин оглянулся на юношу:

— Тогда я рассчитываю на этого брата, который поможет мне пробраться внутрь!

В глазах юноши мелькнул блеск, скрывавший бездонную, темную пучину.

— Хорошо.

Юноша поправил бинты на запястье и привычным движением повел Цзян Яоцина в сторону кухни.

Кухня находилась не в самом зале. Пройдя вслед за юношей по извилистому коридору, Цзян Яоцин уловил аппетитный запах еды.

Значит, они уже близко.

Коридор сужался, и в самом его конце Цзян Яоцин увидел дверь.

Дверь была деревянной, поросшей зеленоватым мхом, а на ее поверхности запеклись темно-черные следы какой-то угольной субстанции.

Опустив взгляд в тусклом свете старых, пожелтевших ламп, Цзян Яоцин заметил вылезающих из кухни неведомых насекомых.

Это были многоногие создания, чьи тела целиком состояли из лапок.

Глубоко вдохнув, Цзян Яоцин почувствовал, что его внутренности буквально переворачиваются.

Юноша уже собирался обернуться и сказать ему пару слов, как увидел, что испуганный ребенок со слезами на глазах прячется за его спиной, крепко зажмурившись.

— Что такое?

— На полу, — голос Цзян Яоцина дрожал. — На полу жуки!

Хотя для мужчины это было неподобающе, он с самого рождения терпеть не мог всяких странных многоногих насекомых.

Если бы его Дух-спутник пробудился в виде какого-нибудь червя, он бы прикончил его своими руками еще раньше, чем это сделали бы враги.

Юноша замер, посмотрел туда, куда указывал Цзян Яоцин, и легко усмехнулся.

В следующую секунду Цзян Яоцин услышал, как что-то с хрустом размалывают в кровавое месиво.

Заглянув между пальцами прикрывавших лицо рук, он увидел, что жук мертв.

Слегка переведя дух, полуживой Цзян Яоцин натянул на лицо подобие улыбки:

— Спасибо.

— Не за благодари, эти твари и впрямь жуткие, бояться их — нормальное человеческое чувство.

— Это и есть кухня.

Юноша указал на плотно закрытую деревянную дверь. — Теперь нам нужно придумать, как пробраться внутрь и унести еду в зал.

Переглянувшись, они оба прильнули к двери, прислушиваясь к происходящему внутри.

— Новички, марш резать овощи!

— Новички, воды!

— Новички, поживее шевелитесь, а то явится мама — мало не покажется!

— Новички, стакан воды, живо!

Цзян Яоцин нахмурился, и тут же изнутри донесся знакомый голос:

— Иду-у.

— Не спеши, я быстро.

Цзян Яоцин мысленно протянул: «Ого, старые знакомые!»

Хоть голос Дачжуана и звучал громко и грозно, сам парень был на редкость неплохим человеком.

— Брат, этого новичка внутри я знаю.

Цзян Яоцин не знал, как зовут стоявшего рядом юношу, но, судя по росту, решил, что называть его старшим братом будет в самый раз.

Услышав обращение братец из уст Цзян Яоцина, юноша и сам не понял, что заставило его промолчать.

Скосив взгляд, он заметил, что покрасневшие глаза Цзян Яоцина уже вернулись в норму: похожие на сверкающие янтарные самоцветы, они казались прекраснейшим произведением искусства во всем мире.

Ему захотелось вырезать их.

И положить у изголовья кровати, чтобы любоваться в тишине.

— Брат?

Заметив, что юноша застыл без ответа, Цзян Яоцин моргнул и с недоумением помахал рукой перед его лицом.

Встрепенувшись, юноша сам испугался собственных мыслей.

Уж не повредился ли он рассудком в одиночной камере, как все и говорили?

— Через пять минут у людей внутри начнется ритуал. Мы проскользнем внутрь, пока они будут заняты.

Спрятав едва заметные перемены в глубине глаз, юноша опустил взгляд на нежную кожу Цзян Яоцина со следами от кровавых игл, а затем отвел глаза.

Хотя...

Разве он сам не был чудовищем?

— Ритуал?

Янтарные глаза Цзян Яоцина слегка качнулись, и он бросил взгляд на стоявшего рядом юношу.

— Ага, обычай приюта.

— Не задавай лишних вопросов, просто жди.

Цзян Яоцин жестом изобразил застегивающуюся молнию на рту, прижался к двери и стал вслушиваться в звуки внутри.

И действительно, после серии лязгающих звуков оттуда послышались шаги. Они удалялись все дальше, судя по всему, направляясь в противоположную сторону.

— Пошли.

Как только шаги стихли, подал голос юноша.

Цзян Яоцин осторожно приоткрыл дверь на узкую щель: внутри было тихо и безопасно. Повернувшись, он кивнул юноше и на цыпочках протиснулся внутрь.

Юноша следовал за ним по пятам.

Еды на кухне оказалось немного, да и выглядела она не столь аппетитно, как в общем зале. Цзян Яоцин принялся мести все подряд, забирая по два блюда в каждую руку с такой молниеносной скоростью, будто тренировался годами.